

Каждая законная икона Божьей Матери, – «явленная», – то есть ознаменованная чудесами и, так сказать, получившая одобрение и утверждение от Самой Девы-Матери, засвидетельствованная в своей духовной правдивости Самую Девую-Матерью, есть впечатление одной лишь стороны, светлое пятно на земле от одного лишь луча Благодатной, одно из живописных имён Ея. Отсюда – существование множества «явленных» икон, отсюда – искание поклониться разным иконам. Наименования некоторых из них отчасти выражают их духовную сущность... Другие наименования довольно случайны, потому что ведут свое начало от местностей или событий, внешне связанных с иконою; смысл такой иконы постигается в непосредственном созерцании.

*П.В.Флоренский*¹¹

Сказание о явлении образа Божьей Матери Казанской в волости Бушнево

Сказание о явлении чудотворного образа Божией Матери Казанской в волости Бушнево Галичского уезда²², обнаруженное мною летом 1994 г., находится в составе рукописного сборника, хранящегося в РГАДА³³. В сборнике, состоящем из 287 листов⁴⁴, также помещены: апокрифическое сказание «Хождение святого Ивана Феолога», приписываемое ученику апостола Прохору (л.1-111об.); «Вопросившу некоему некоего о роде его и о отчестве и здравии отвеща. От главы 13 иже из Гранографа» (л.112-117об.); «Святого Геннадия, патриарха Константина града, о дузе небесней, яко подобие Божие суть» (л.118-119об.); «О ехиднех» (л.119об.); отрывок из Хронографа («Царство 3-е Тивириево...») (л.127об.); послание Илариона Великого «к некоему брату, просившу у него и наказание ко отрекшимся мира Христа ради» (л.128-167об.); слово св. Василия Великого о постничестве (л.168-172);

«Апреля в 6 день поучение к царем и ко князем и к епископом и к попом и ко всем християном еже не упиватися» (л.172об.-175об.); послание царя Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь

1
2
3
4

(л.176-231об.)⁵; заголовок апокрифического послания Понтия Пилата к императору Тиберию (л.232), после чего следует фраза «Алфавит»; «Сказание, како состави святой Кирил философ по языку словенскому книги, переведе от греческих на словенский язык» (л.233-283); «Список з грамотки. Государю моему брату Сергею Василевичу Тренка Василев челом бьет» (л.283об.-287об.).

Рукопись в кожаном переплете с тиснением писана в 4-ку скорописью второй половины XVII века. Водяные знаки: голова шута (тип: Гераклитов⁶, 1186-1648-1649 годы; Гераклитов, 1258-1665 годы; Гераклитов, 1268-1666 годы), ворота (тип: Гераклитов, 47 - 1650 год), пасхальный агнец в поле щита, увенчанного короной (тип: Дианова-Костюхина⁷ - 1673-1676 гг.). Таким образом, время переписки сборника может быть определено в пределах конца 60-х-начала 70-х годах XVII века.

Протограф сборника, очевидно, был составлен в Москве не позднее лета 1645 года Нижнюю его дату даёт послание Тренки Васильева к своему брату, который отправился в Сибирь искать счастья. Автор письма – приказный дьяк Семен (Третьяк) Васильев Башмак - человек, известный при дворе⁸. Занимавший в разные годы должности в важнейших приказах – Сибирском, Посольском, Казанского дворца и других, он был близок к двору Михаила Фёдоровича, пользовался благоволением царицы Евдокии Лукьяновны.

Удачливая карьера дьяка закончилась со смертью Михаила Фёдоровича. В 1645-1646 годах бояре Борис Иванович Морозов и И.Д. Милославский – ближайšie к только что занявшему престол Алексею Михайловичу люди - сменили большинство начальников приказов и назначили на их места своих людей⁹. Сам Третьяк Васильев летом 1646 года был послан младшим дьяком в Тобольск, что было значительным понижением по службе.

По возвращении из Сибири, Третьяк Васильев в ноябре 1659 года был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда в начале 70-х годов XVII века переведён в Московский Новоспасский монастырь, где, видимо, и умер. Поводом к ссылке стала направленная царю челобитная, в которой с позиций старообрядчества он обвинил справщиков Печатного двор в злонамеренном искажении богослужебных книг.

Как кажется, Сказание о явлении чудотворной иконы в селе Бушневе, с которым – вне всякого сомнения – ознакомилась царская семья, попало в неё не из рук Третьяка Васильева. Хотя содержание Сказания, с которого он сделал список, вполне отвечало характеру дьяка – человека не только начитанного, но и весьма религиозного. Сборник, составленный им до этого времени, вероятно, остался в библиотеке Посольского приказа (одной из богатейших в Москве):

5

6

7

8

9

Третьяк состоял в нём дьяком с 1640 года, и архив этого приказа в XIX веке составил основу фондов МГАМИД.

Письмо Третьяка Васильева, сохранившееся в сборнике, не опубликовано. Оно датировано 16 ноября 1637 года Верхней границей составления сборника является публикуемое Сказание. Время его написания – не ранее 22 апреля 1642 г. (последнее явление Богоматери автору Сказания) и не позднее 6 мая 1643 года, когда к **галичскому воеводе Василию Грязному** была направлена не упомянутая в Сказании царская грамота с предписанием «новой пустыни Карпищева старца Матвея с братьею от всяких чинов людей оберегать»¹⁰. То, что Сказание было создано до Раскола 1654 года подтверждается и тем, что имя Спасителя употребляется в нём в «дораскольной» форме Исус, а имя святителя Николая – как Никола.

Бушневская волость была одной из древнейших в Галичском крае. Впервые она упоминается под 1545 годом в жалованной грамоте Ивана Грозного, которая подтверждает владельческие права на неё Василия и Ивана Ивановых детей Карандышевых – внуков Карандаша Свиньина, получившего её, видимо, в конце XV века¹¹.

Сказание повествует о начальном этапе существования монастыря, который именовался Карпищевой пустынью. Монастырь возник на месте, которое именовалось Карпищевой пустошью, – там, где некогда существовала деревня, впоследствии заброшенная. Мимо нее шла «большая дорога» от Новгорода до Галича на Парфеньев посад и далее к Вятке¹². Эти земли принадлежали стольнику Ивану Фроловичу (Томиловичу) Луговскому, сыну знаменитого дьяка Томилы (Флора) Июдича Луговского, который получил их в поместье. Это было очень крупное пожалование – дьяк получил в поместное владение черную волость¹³, небольшую административно-территориальную единицу.

Часто говорят, что по заслугам – и честь. В полной мере это относится к Томиле Луговскому, одной из ярких фигур эпохи русской Смуты и царствования Михаила Федоровича. Его деятельность С.М. Соловьев ставил в один ряд с подвигами К. Минина и Д. Пожарского, подготовившими «величие и единство русского народа»¹⁴. Его служба началась в 1606 году Томила Луговской верой и правдой служил Василию Шуйскому¹⁵, а после его низложения в 1610 году присутствовал на Земском соборе, призвавшем на московский престол польского королевича Владислава, однако вершины славы и почёта достиг в правление Михаила Фёдоровича.

Дьяк занимался важнейшими государственными делами – сказывал околичничество и боярство, объявлял решения по местническим

10

11

12

13

14

15

счетах и в отсутствие царя «ведал» Москву, получив в 1636 г.¹⁶ чин думного дворянина - высшей ступени карьеры для людей его круга. В торжественные дни Томило Луговской обедал у царя и патриарха, что было особой привилегией, доступной немногим. Неудивительно, что в руках ловкого царедворца скопились огромные средства.

В 1632 году, во время похода на Смоленск на снабжение русской армии он отправил из собственных средств 100 четвертей (600 пудов) зерна, а в 1621 году пожаловал на помин души в Троице-Сергиев монастырь 100 рублей. В нём же он, очевидно, незадолго до смерти (не позднее 1636 года) принял постриг и схиму под именем Филарета (об этом имеется запись во вкладном Евангелии 1643 года в Казанскую церковь Карпищевой пустыни).

Его сын, пожалованный чином стольника (открывавшим путь к боярству) и отцовским поместьем, таким образом, стал одним из богатейших помещиков Галичского уезда – в 1627/1628 году за ним числились: 1 погост, 23 деревни (из них 2 пустые), 18 починков, 7 пустошей – всего 106 крестьянских дворов с 259 душами мужского пола¹⁷ да земли около 500 га. Центром вотчины был погост Никольский, где стояли две приходские церкви – Софии Премудрости Божией и Николая чудотворца. Здесь и развернулись события, описанные в Сказании.

Этот памятник – не единственное произведение, рассказывающее о явлении чудотворной иконы Казанской Божьей Матери в Бушневской волости. В конце прошлого века в приходе села Бушнева «у одного благочестивого старца» хранилась старинная рукопись (очевидно, утерянная), где содержалось местное предание об этом чуде. По содержанию оно не совпадает с публикуемым здесь Сказанием, но, что замечательно, содержит отсутствующие в нём подробности.

О времени составления Предания можно лишь догадываться, но очевидно, что оно относилось ко времени более позднему, нежели Сказание (за нижнюю его дату можно принять сообщение о пострижении автора последнего в монахи, его смерти и погребении в Карпищевой пустыни) и, вероятнее всего, было составлено с целью дополнить сочинение Макария. Вместе с тем, Предание не во всём совпадает с последним. Так, духовным отцом Макария назван священник Пётр Лаврентьев, действительно упоминаемый в писцовой книге поместных земель Галичского уезда 1628-1631 годов, тогда как священнику Тимофею отводится незначительная роль. **Сохранилось изложение этого Предания, опубликованное в конце прошлого века воспроизведено протоиреем В. Ратьковым в журнале Костромской епархии «Благовест»¹⁸.**

Все места, упомянутые в Сказании, – погост Никольский, починок Филино и Карпищева пустошь – находились в непосредственной близости друг к другу, что даже отразилось в их названиях. Ныне починок

16

17

18

Филино – это деревня Филино-Софийское Палкинского сельсовета Антроповского района Костромской области.

Иван Луговской принял деятельное участие в организации монастыря, может быть, даже стал его ктиторм. Возможно, он лично отправился в Москву и, пользуясь связями, – прежде всего, в Посольском приказе, где в своё время подвизался его отец, – устроил дело так, что решение об организации обители было принято в очень короткие сроки. Уже в мае 1643 году царь Михаил Фёдорович подписал жалованную грамоту галичскому воеводе Василию Грязному об охране иноков новой пустыни. Не исключено, что Иван Фролович лично представил Сказание царю. И не только – с рассказом о явлении чудотворного образа через Ивана Луговского могли ознакомиться и знакомые ему дьяки, вхожие в царскую семью – тот же Третьяк Васильев.

Словом, за деловой документацией и Сказанием перед нами встает образ идеального царева слуги и помещика - человека богатого, с прекрасными связями при дворе, но истово верующего, пользующегося уважением и доверием у крестьян и, в свою очередь, доверяющего им. Но этот портрет был бы не полон, если не сказать и о честолюбии стольника: организацией монастыря он занялся не только из альтруистических побуждений. Чудо, совершившееся в его поместье, без сомнения, повысило престиж И.Ф. Луговского в глазах государственной элиты, соседей, простых крестьян.

Первым настоятелем (строителем) нового монастыря стал инок Матвей, упоминаемый в Сказании. В документах его имя встречается вплоть до 1662 г. В мае 1680 г., когда царь Федор Алексеевич в новой жалованной грамоте галичскому воеводе Василию Кондыреву подтвердил его обязанности по отношению к Карпищевой пустыни, строителем монастыря был иеромонах Макарий.

Почти все это время земли Бушневской волости находились у Луговских. В 70-е гг. XVII в. ими владел младший сын Ивана Фроловича Илья, получивший к тому времени чин стольника. В 1670 г. он продал часть владений - и в их числе деревню Степурину - Семену и Федору Колединским¹⁹. Само же село Бушнево позднее перешло к князю Степану Ивановичу Татеву, а после - к его вдове Марии - может быть, дочери И.И. Луговского. Степень участия Татевых в деятельности монастыря неизвестна. Скорее всего, их отличало полное равнодушие к обители.

В 1719 г. село Бушнево с 20 деревнями принадлежало сенатору и тайному советнику графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину. В 1730 г. он выстроил в селе новую Никольскую церковь взамен старой деревянной, к тому времени сильно обветшавшей. В июне 1740 г. И.А.Мусин-Пушкин по делу Волинского, составившего заговор против всеильного временщика Бирона, был сослан в Сибирь, а его имущество конфисковано. Бушнево стало дворцовой вотчиной²⁰.

19

20

Первая церковь, выросшая на месте, указанном Богоматерью, согласно Преданию, была обыденной, то есть построенной за один день. Следует отметить, что этот обычай был распространен в более раннее время главным образом в Псковской и Новгородской Руси²¹. Обыденные церкви возводились по обету в один день для избавления города от крупного несчастья, как правило, во время крупной эпидемии и, как правило, посвящались Спасителю, Богородице или святому, на день памяти которого падало строительство²². Спешность и быстрота постройки делали возможным возведение такого храма только из дерева (о чем сообщается как в Сказании, так и в Предании). Д.К.Зеленин полагает, что, став проявлением «христианского усердия, благочестивой ревности по Боге», обыденные церкви заменили древний языческий обычай изготовления обыденных полотенец, посвящавшихся в святилища во время губительных эпидемий²³. В массовом сознании храмы, возводившиеся за один день, связывались с особой святостью сооружения - за короткий срок от начала строительства до освящения церкви нечистая сила не могла даже заглянуть в него. Ведь храм, который строился обычными темпами, становился святым только после освящения, до этого момента оставаясь обычным зданием, где могли находить приют даже бесы. В нашем случае мы сталкиваемся с явлением нетипичным. Во-первых, Богородица Сама указала Макарию на святость места, на котором Она желала бы видеть часовню, посвященную Ее образу. Во-вторых, обыденная церковь возводится не с целью прекратить моровое поветрие, а, напротив, - для предотвращения бедствия, что обещала наслать Божья Мать в случае, если Ее «наказание» не будет выполнено. Видимо, отчасти это объясняется отсутствием традиций строительства обыденных храмов в Галичском крае.

Обыденные храмы впоследствии заменялись на более долговременные сооружения. Новая деревянная Казанская церковь в Карпищевой пустыни была сооружена спустя семь месяцев после явления иконы. 8 ноября 1643 г. в ней уже совершалось богослужение. Новая каменная церковь в монастыре взамен обветшавшей деревянной была выстроена в 1700 г. В нее были перенесены утварь и иконостас вместе с находившимся в нем чудотворным образом.

К этому времени Карпищева пустынь захирела. В 1701 г. в ней спасались «казначей старец Ияков, старец Кирил, старец Ульян»²⁴. Обитель была бедной. За нею не числилось ни крестьянских, ни бояльских дворов и имелось небольшое поле, которое монахи засеивали рожью, овсом, ячменем, пшеницей, горохом и коноплей²⁵. Неудивительно, что монастырь быстро зачах, и уже в 1706 г. его соборная церковь значилась как приходская. В дальнейшем, по всей види-

21

22

23

24

25

мости, был упразднен и приход: в XIX в. чудотворный образ находился в иконостасе приходской церкви с.Бушнева²⁶26.

Предание называет место жительства Макария - починок Филино. Починок - это земледельческое поселение в лесу, где крестьяне, выселившиеся по разным причинам из близлежащей деревни, расчищали и разрабатывали место под пашню. Земледельческая база такого хозяйства весьма слаба, ибо основные усилия жителей починка тратились на отвоевание земель у леса. Лишь когда каждый двор мог полностью обеспечить себя пахотной землей, починок превращался в деревню, сохранявшую прежнее название.

Починок Филино, по всей вероятности, возник как займище. А это значит, что здесь первоначально, может быть, в начале Смуты, поселился некий крестьянин по имени Филя, Филипп. Он распахал (занял) в лесу участок под пашню. В начале второй четверти XVII в. починок разросся: здесь уже было 4 крестьянских двора и 1 бобыльский²⁷27. Крестьяне распахали почти полтора гектара земли: под пашней находился третник (около 0,2 га) средней (то есть невысокого, как по всему Костромскому краю, качества) земли, еще столько же («в два по тому ж») было под паром; еще распахивалась половина гектара лесной территории и еще столько же занимал перелог - то есть участки леса, освоенные раньше других и через 3-4 года обработки оставленные для отдыха. Бедны были и уголья починка Филина. Покосы давали его жителям 2 копны сена. В то время под копной понималось не только определенное - 15 пудов - количество сена, но и мера площади, с которой оно снималось, равное 0,1 десятины или около 0,1 га. Тридцати пудов сена - явно недостаточно для прокорма скота жителей починка.

Что же толкало крестьян на починки? Ведь их уровень жизни должен был быть весьма низок, тогда как труда в отвоевание у леса плодородных земель вкладывалось немало. Нужно было вырубить и сжечь деревья, освободить будущую пашню от корневищ и пней, не один раз распахать ее, внести удобрения - и все ради того, чтобы через 3-4 года забросить участок и начать процесс заново. Недаром в былинах этот труд приравнивается к богатырскому: все-таки первый подвиг Илья Муромец совершил, расчищая от «дубья-колоды» родительскую пашню. Но ведь для эпохи первых Романовых зажиточность крестьян не так уж была редка: после удачной продажи на рынке урожая у них на руках нередко оказывалось от 30 до 50 руб., а стоимость имущества (включая скот, одежду, утварь и т.п.) могла превышать 60 руб.²⁸28 Что же - починок Филинов исключение из правил? Пожалуй что, нет. С одной стороны, дабы не платить больших налогов помещики стремились приуменьшить размеры собственных владений, и у нас нет уверенности в том, что приведенные цифры, в свое время предъявленные И.Ф. Луговским переписчикам, соответствуют истине. С другой, - крестьянам, выселявшимся на починки, владелец,

26

27

28

заинтересованный в освоении новых земель, предоставлял под определенный процент ссуды зерном и деньгами. А это естественным путем прикрепляло жителей починка к земле, ибо не всякий мог сполна расплатиться с заимодавцем. Наконец, средства к существованию могли давать промыслы. Жители Бушнева, в частности, славились как искусные плотники²⁹²⁹. Словом, жители починка жили не лучше - но и не хуже - деревенских крестьян.

Об авторе Сказания - «многогрешном» (как он сам себя называет) Макарии известно мало. Его имя - одно из самых распространенных крестьянских имен Галичского уезда, связанное с почитанием преподобного Макария Желтоводского и Унженского - молитвенного предстателя за Галичский уезд. Предание называет и имя отца автора Сказания - Вукол, редкое для этих мест. С полной определенностью можно сказать, что ни Макарий, ни его отец не были уроженцами Бушневской волости, поскольку в переписной книге поместных земель Галичского уезда 1626/7 г.³⁰³⁰ их имен нет.

Макарий - крестьянин не зажиточный, но и не бедный. Его средств было достаточно, чтобы съездить в Нижний Новгород и «выменять» там явленную икону. Но чтобы купить сруб для церкви, денег уже не было. Такая покупка (по московским ценам) обошлась бы не менее чем в 10 руб. - сумма для середины XVII в. немалая. В те времена четверть пуда ржи стоила 1 руб., пуд говядины - 28 коп., овца - 30-36 коп., поросенок - 5-6 коп., курица - 1 деньгу (0,5 коп.)³¹³¹. Так что на монастырское строительство пришлось просить подавание со всего мира.

«Многогрешный» Макарий, без сомнения, был человеком грамотным (что для допетровской Руси неудивительно). Рассказ об обретении чудотворного образа в Сказании ведется от первого лица, причем создается впечатление, что запись была сделана по свежим следам, когда точные даты явлений Богоматери еще не истерлись из памяти. Однако автор Сказания - не профессиональный книжник. Литературный этикет ему не знаком - в большинстве сказаний о явлениях чудотворных икон автор, сообразно этикету, себя либо не обнаруживает, либо выступает в роли свидетеля свершившегося с кем-либо иным чуда³²³². Здесь же Макарий и свидетель чуда, и автор Сказания, и его главное действующее лицо. Но он прекрасно осознает сложность своего положения - поэтому в кульминационном месте Сказания Макарий начинает говорить о себе в третьем лице.

В отличие от многих западноевропейских образцов подобного жанра, записанных и литературно обработанных приходскими священниками³³³³, Сказание написано очевидцем. Подтверждается это богословской нерасцветченностью текста, отсутствием в нем таких специфических терминов, как епитимия, покаяние, грех и т.п., связан-

29

30

31

32

33

ных с пастырской практикой (что можно наблюдать в произведениях покаянной книжности). В Сказании нет прямых ссылок на Священное Писание, а те, что имеются, относятся к наиболее распространенным.

При всем при этом Макарий, зависимый едва ли не в первом поколении крестьянин, уже обладал устоявшейся психологией, характерной для этого сословия. Оказавшись свидетелем чуда и даже слышав «наказание» Богородицы поставить церковь в определенном месте, по совету приходского священника он пренебрег (!) Ее словами и взялся за возведение храма не на Карпищевой пустыни, но в центре поместья своего господина. Автору Сказания не отказали ни чувство социальной субординации, ни осознание своего зависимого положения от И.Ф. Луговского.

Сказание о явлении иконы Казанской Божьей Матери в Бушневской волости - типичное для XVII в. произведение местной агиографии, когда повести об обретении чудотворных икон широко распространились во многих краях России. В литературном плане они довольно однотипны. Основной их фабулой является рассказ об обретении образа, завершающемся реальным актом - строительстве на месте чуда часовни, церкви или монастыря. Сюжет строится на столкновении реального и чудесного - обычной жизненной ситуации и ее разрешении с помощью чуда³⁴³⁴. В качестве ближайшей аналогии нашему памятнику можно назвать Сказание о явлении чудотворной иконы Божией Матери Тихвинской на Красной горе, написанное не только в одно время (1641 г.) с ним, но и имеющее с ним текстуальные совпадения³⁵³⁵.

Завершается Сказание упоминанием о чудесных исцелениях от образа и описанием нового чуда, свидетелем которому был опять-таки Макарий. В этом, пожалуй, и состоит отступление от канона - автор, стремясь точно выдержать хронологию явлений ему Божией Матери и чудес, проистекших от Ее образа, нарушает стройность и логичность повествования. К описанию чудес, которыми должны завершаться подобного рода сказания, Макарий присоединяет рассказ о еще одном явлении Богоматери и Ее последнем «наказании», данном ему и строителю новой пустыни - иеромонаху Матвею. Отметим и то, что фиксация чудес - главным образом, видимо, исцелений дана в суммарном виде; описания каждого конкретного случая, как это делалось в иных обителях, нет.

Этот памятник, если можно так выразиться, «сиюминутен». И все же, как кажется, главной особенностью Сказания, отличающей его от аналогичных произведений древнерусской книжности, является то, что в откровении Божией Матери в наиболее концентрированном виде содержатся основные положения педагогики Древней Руси, последовательно данные во взаимосвязи друг с другом. Так что Сказание можно расценивать и как своего рода «педагогический манифест», призванный вернуть в повседневную жизнь уходящую духовность.

34

35

Автор Сказания - не тонкий стилист. Оно достаточно тяжеловесно, язык лишен тонкости и изящества. Чувствуется, что только экстраординарность ситуации побудила Макария взяться за перо: первое его литературное произведение оказалось и последним. Автор Сказания, как и положено человеку Средневековья не современному эмоционален. Когда он говорит о явлении Богоматери, чувства настолько переполняют его, что речь становится сбивчивой, произведение теряет стройность и расплывается в потоке эмоций. Но, в отличие от своего западноевропейского современника, Макарий не впадает в религиозную экзальтацию. Напротив, воспитанный в присущей Православию трезвенности души, он не поддается прелести мистического экстаза.

Вместе с тем, нельзя не признать за автором Сказания определенной начитанности. Отдельные его эпизоды - особенно в «наказании» Божией Матери - обнаруживают знакомство автора не только со Священным Писанием и житийной литературой, но и с такими монументальными произведениями древнерусской книжности, как Домострой и Стоглав, хотя, надо признать, с последним он был знаком опосредованно. Определенные параллели можно найти с Поучением отца духовного к детям духовным³⁶³⁶ - памятником книжности, известном с XVII в. Но еще больше совпадений мы обнаружим с Повестью о табаке, точнее, с той ее частью, где рассказывается о явлении Божией Матери некоей болящей Фекле³⁷³⁷. Это произведение Макарий, без сомнения, не только хорошо знал, но и использовал при литературной обработке своих видений.

Немаловажно отметить и параллели между Сказанием и народной духовной поэзией. В частности, по композиции и идеям оно чрезвычайно близко к стиху «Святая Пятница», записанному П.И. Якушкиным:

Во пустыни святой труженик трудился,
Не владал он ни рукою, ни ногою.
Во сне ему Пятница являлась,
Крестом она его окрещала,
Свечой она его осветила,
Гласом она его оглашала:
«Ты встань, раби Божий, подымися,
Ты встань, раби, Богу помолися,
Поди раби, по всему свету,
Прославь, раби, всему миру,
Чтобы в неделе по три дня поминали,
А пятницу, среду почитали,
В воскресный день не работали,
Во пятницу пыли не пылили,
К обедне, к заутрене ходили,
Усердно бы Богу помолились,
По Божьему закону поживите:
Друг друга почтите,

36

37

Брат брата не браните,
По Божьему закону поживите:
Мать детей не проклиняйте,
Мать детей жидами не называйте³⁸38.

Несмотря на запись, произведенную Макарием, Сказание о явлении Казанского образа Божией Матери какое-то время продолжало бытовать изустно. Интерес к нему, видимо, подогревался благодаря обители, где хранилась святыня. Однако судьба Сказания в устной традиции оказалась не совсем счастливой: в XIX в. подробностей явления образа жители села уже не помнили. И. Беляев отметил лишь, что образ Божией Матери Казанской, находящийся в церкви с. Бушнева, почитается как чудотворный³⁹39. Эти же сведения повторил и Е. Поселянин⁴⁰40. Ежегодно весной образ с крестным ходом носили за 35 верст в близлежащий посад Парфентьев.

Возможно, забвение чуда было связано с двумя обстоятельствами: недолговечностью монастыря (он просуществовал менее полувека) и отсутствием службы чудотворному образу, которая бы постоянно воспроизводила в памяти мирян обстоятельства его обретения. Еще одна причина «забвения» чуда, вероятно, заключается в том, что Макарий либо не оставил у себя списка Сказания, либо тот со временем затерялся, а с тем списком, что был отправлен в Москву, ознакомился очень узкий круг лиц - царская семья и люди из ее ближайшего окружения. Во всяком случае, жители Бушнева черпали сведения о чуде не из произведения Макария, а из составленного несколько позднее него Предания.

«Многогрешный» Макарий - сын своего времени. В нашу эпоху его прозвали бы фундаменталистом, но тогда, три с половиной века назад, многое, что он писал, воспринималось в порядке вещей. В его воззрениях отразилась та «наиболее глубокая черта русского народа», по определению Н.О. Лосского, как «религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра»⁴¹41.

Идеал автора Сказания - Святая Русь, Русь поста и молитвы, незыблемых нравственных правил и воздержания. Но как непохожа действительность на желаемое! Всеобщая нелюбовь и ожесточение, выливающиеся в бессмысленные наказания детей родителями, сыновнюю непочтительность, сквернословие, равнодушие к церковным обрядам, оскудение веры в пастве и пастырях... Как кажется, именно в XVII в. «падение нравов» в древнерусском обществе достигло той опасной черты, за которой начиналось крушение отеческих устоев. Это - прямой результат Смуты, пережитой русским обществом в начале столетия. «Смута была не только политическим кризисом, не только социальной катастрофой, - писал Г. Фроловский. - Это было еще и душевное потрясение, или нравственный перелом... Из Смуты народ выходит изменившимся, встревоженным и очень взволнован-

38

39

40

41

ным, по-новому впечатлительным, очень недоверчивым, даже подозрительным. Это была недоверчивость от неуверенности. И эта душевная неуверенность или неустойчивость народа была много опаснее всех тех социальных и экономических трудностей, в которых сразу растерялось правительство первых Романовых»⁴²⁴².

И если правительство в 40-50-е гг. XVII в. пыталось найти выход в законодательном оформлении обязательности всеобщего поста и покаяния, грозя ослушникам «опалой без всякия пощады»⁴³⁴³, то Божья Матерь подсказала Макарию иной, быть может, менее болезненный, но более трудный вариант возвращения к исконной святости. Действительно, «весь мир», - по словам апостола Иоанна, - «лежит во зле»⁴⁴⁴⁴. Но зло не изначально присуще миру - оно вошло в него с падением Адама и умножается от того, что люди предпочитают тленное вечному, ложь - истине⁴⁵⁴⁵. И явление чудотворной иконы - еще одна попытка очистить души людей, преобразить их естество как раз накануне грозных потрясений 40-х гг. XVII в., завершившихся небывалой религиозной смутой - церковным Расколом. По «наказанию» Божьей Матери каждый, обратясь к самому себе, должен перестроить собственную жизнь, исключив из нее латинскую ересь и неистовства плоти. Такой совет был понятен обществу, где монастырь считался идеалом человеческого общежития, но... невыполним на практике. Недаром сетованиями на скудость веры наполнены многие памятники древнерусской книжности. И даже в данном Сказании, если исходить из принципа доказательства от противного, поучения Богоматери направлены как раз именно против неверия многих современников Макария, а не ради поддержания в них глубокого религиозного чувства.

Как истинно православный человек, Макарий - интраверт, то есть человек, для которого «незначительного события достаточно, чтобы мысль... заработала сама собой и дошла до вещей самых значительных»⁴⁶⁴⁶. Он ищет морально-мистическое объяснение фактам окружающей его действительности, стремится не столько преобразовать мир, сколько одухотворить его, что, по его мнению, и является перестройкой. Ведь в идеале мир - это Божественная Красота, но, увы, утраченная. Явленная же икона - образ красоты истинной и спасительной, раскрывающей для людей путь к Богу, к спасению. «Икона создает человека, напоминая ему об образе Божьем, в нем сокрытом,» - отмечает И.М. Языкова⁴⁷⁴⁷. Так что то, о чем пишет автор Сказания, он понимает как некое отпадение от идеала, наставления же Богородицы - как средство возвращения утерянного путем возвышения над мирской суетой и пороками, то есть восстановления в себе красоты, но не внешней, тленной, а внутренней, что «драгоценно пе-

42

43

44

45

46

47

ред Богом»⁴⁸48. Для Макария нет разной правды - боярской, дворянской, крестьянской, а есть одна истина, общая для всех - православная вера, она же идеал социальной справедливости. Как православный человек, он не знает компромисса - для него возможно лишь моральное совершенство, до которого каждый может прийти сам, подавив собственные греховные инстинкты.

Но вера и идеал Святой Руси для Макария неразделимы. «Святая Русь требует святого дела»⁴⁹49. Этим делом и является строительство обыденной церкви, откуда заветы Богородицы должны разойтись по всей стране.

В Сказании нет малозначащих деталей - все в нем подчинено главной цели. Значим даже день совершения чуда, который совпадает с одним из основных праздников годового цикла - Входом Господним в Иерусалим. Это не только начало Страстной седмицы, когда строжайшее воздержание и умножение молитв готовит души к вселенской радости Воскресения Спасителя, но и преддверие главного лишь в Православии праздника Светлого Воскресения - Пасхи, в который наиболее полно реализуется присущая Православия идея о всеобщем спасении.

И все же Святая Русь Макарию представляется не в обобщенном образе великой и бескрайней страны. Она для него - конкретное место недалеко от дома - та самая Карпищева пустошь, о которой Сама Богородица свидетельствует, что подобного по чистоте места «во всей Руской земле» не найти. Но со строительством храма понятие «родной край» приобретает мистический смысл⁵⁰50 - отсюда на всю страну должна излиться Благодать Божией Матери. Мысль эта настолько поражает Макария, что он вначале не в силах в это поверить. Лишь чудо заставляет его воспринять эту истину. Уверившись, он готов идти «во всю Рускою землю и проповедати сия всем православным христианом». Но это - уже показатель развитого национального самосознания Макария, а точнее, тех его черт, что родились в годы Смуты - чувства гражданского долга и осознания личной ответственности за судьбу Русской земли⁵¹51. Местное самосознание в этом почти не ощущается. Гражданский долг для Макария имеет ярко выраженную религиозную окраску - как долг донести до всех православных наказания Богородицы. Говоря иначе, в силу особенностей русского национального сознания, он готов добровольно принять на себя подвиг странничества, но не искать правды а нести открывшуюся ему истину людям⁵²52. Извечная тяга русских «к землям на горизонте»⁵³53 у Макария не порождена социальным бесправием, нуждой и неустройством хозяйственного быта - скорее, это жажда спасения

48

49

50

51

52

53

всего православного мира, находящегося в неведении относительно чуда, происшедшего в неведомой глуши, у села Бушнева.

Эти представления у Макария находятся в полном соответствии с средневековой системой мышления, для которой «земля как географическое понятие одновременно воспринимается как место земной жизни... и... получает не свойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное значение. Эти же представления переносятся на географические понятия вообще: те или иные земли воспринимаются как праведные или грешные»⁵⁴⁵⁴. Но есть здесь и характерная черта русского традиционного миропонимания - соборность истины⁵⁵⁵⁵. Чудо соборно, ибо истина для индивидуального сознания, как показал печальный опыт автора Сказания, закрыта. Откровение Божьей Матери открывается не только и не столько Макарию, но и его односельчанам. Соборно и само местное самосознание, - людей связывает не внешняя его сторона, то есть факт рождения и проживания на данной территории, но внутренняя - соучастие в чуде.

Впрочем, и сами явления чудотворных икон - а в особенности богородичных - свидетельство неисчислимой Божией благодати, изливаемой на Русскую землю, - в целом также зиждется на понятии Святой Руси⁵⁶⁵⁶. Неудивительно, что в разные эпохи явленная икона становилась главной святыней не только отдельного прихода или монастыря, но города или княжества. Такие иконы во время войн, подобно князьям или военачальникам брались в плен и вывозились из покоренного города⁵⁷⁵⁷.

Какие же наказания Богородицы, необходимые для возрождения идеала Святой Руси (которое, подчеркнем, должно начаться именно от Карпищевой пустыни), воспринял Макарий? При отсутствии в древнерусской книжности стилистической разницы между авторской и прямой речью мы не можем сказать, передал ли Макарий дословно обращенные к нему слова: Богородица как бы говорит языком автора Сказания, а тот, в свою очередь, излагает Ее слова в соответствии со своим уровнем понимания, внося в текст известную долю крестьянского здравого смысла. Откровение становится «монологом в монологе», а автор - объектом воздействия чудесной силы. И в этом отношении Сказание оказывается более близким к книжности XVI в., нежели к реалиям XVII столетия. Хотя - и этим Сказание связано со своей эпохой - Макарий, его автор и действующее лицо одновременно, - не теряет индивидуальности. Немаловажно отметить и то, что приводимый ниже «педагогический манифест» не имеет конкретного адресата - он обращен ко «всем православным христианом, верующим в Господа нашего Иуса Христа и в Пречистую Его Матерь» без различия рода и звания. Словом, все, что было открыто в результате

54

55

56

57

чуда, одинаково актуально и для царских покоев и для крестьянской избы.

Структура этого «манифеста» четка и иерархична. Говоря иначе, она имеет несколько взаимосвязанных уровней, соответствующих различным «кирпичикам» средневекового общества. Нижний уровень составляют важнейшие обязанности всех христиан по отношению друг к другу. Второй уровень, связанный с отношениями внутри семьи, имеет две параллели, характеризующие обязанности детей по отношению к родителям и родителей по отношению к детям. Третий, более высокий, уровень логически проистекает из второго. В нем опять-таки параллельно друг другу рассматриваются обязанности духовных отцов по отношению к духовным детям и духовных детей по отношению к духовным отцам. Эти наставления незаметно выводят читателя на новый уровень, связанный с важнейшими индивидуальными обязанностями христиан по отношению к церкви и к самим себе. Таким образом, круг поучений, совершивший движение от микро- к макросоциуму, замыкается. Однако это движение не может совершаться отдельным индивидуумом, но целым сообществом, то есть соборно. Все это находится в соответствии с идеалом древнерусского общества как одной большой семьи, по-отечески управляемой Царем-Батюшкой, где личность (а точнее отдельный индивидуум) всецело подчинена коллективу. Да и слова Богоматери направлены не к одному человеку (Она общается с ним лишь как с посредником), а ко всему обществу в целом.

Такая структура не случайна. Если идеалом хозяйственной жизни России являлась автаркия - самодостаточность - отдельного домохозяйства (вне сословных рамок), низшей ячейки, из совокупности которых складывалась экономическая структура общества, то нравственное благополучие общества, очевидно, зависело от духовной автаркии тех же самых ячеек. Это нагляднее всего демонстрирует Домострой, где принципы экономического благосостояния отдельного домохозяйства просто неотделимы от духовного благополучия всех его составляющих. В Сказании же основной упор делается только на различные уровни автаркии духовной, от которой в конечном итоге зависит нравственное благополучие общества.

Но, пожалуй, наиболее интересным в этой ситуации будет то, что «программа» возрождения духовности, изложенная в Сказании, исходит не от представителя господствующей элиты, а от крестьянина, сознающего себя патриотом - не только родного угла, но и всей Русской земли. И здесь, как мне кажется, укоренившееся в эпоху исторического материализма представление о темноте, забитости и невежестве русского крестьянина, задавленного, как некогда высказался К.Маркс, «тупостью и идиотизмом» деревенской жизни⁵⁸. На примере мы видим крестьянина человеком грамотным и образованным, с богатым духовным миром, неравнодушным к судьбе родной земли.

Предлагая рецепт переустройства российской действительности, Макарий знал наверняка, что его голос не будет услышан: с мнением простого крестьянина вряд ли бы посчитались. Вторая причина, по которой мнение автора Сказания, исходи оно лично от него, осталось бы без внимания, - это его «духовная младость». Согласно этому представлению, укорененному в древнерусском обществе, «духовное совершеннолетие» было присуще лишь Царю да Патриарху. Остальное население рассматривалось как «худые людишки», «сироты», которых высшая светская и духовная власть обязана была наставлять в жизни. Сознал это и Макарий, называвший себя «многогрешным» и «малоумным». Иное дело - слова Богородицы, явившейся автору Сказания, тем более, что они исходили от общенародной и общегосударственной святыни. На Руси они обязательно были бы восприняты как руководство к действию. И Макария услышали: со Сказанием ознакомился царь, его семья, высшее духовенство, владелец Карпищевой пустоши И.Ф. Луговской; оно имело хождение (как показывает сохранившийся список) среди приказных дьяков и, что вполне вероятно, среди бояр - корреспондентов Третьяка Васильева.

Остается добавить, что все вопросы, поднятые в Сказании, имели в то время (да и не только!) огромную актуальность. Недаром со словами Богородицы почти дословно совпадает 10 статья XIV главы Соборного Уложения 1649 г., принятого, как известно, после обсуждения выборными представителями различных сословий: «И того ради подобает отцем духовным детей своих духовных поучати и наказовати страху Божию, и чтобы промежу себя и в соседстве жили любовно, не крали и не разбивали, и не ябедничали, и на лжи не послушествовали, и чюжаго не восхищали, и сами не обидили, и скверными речьми не укорялися, и накриве бы креста не целовали, и именем Божиим во лжу не ротилися и не клялися...»⁵⁹

Но все же образ крестьянина - посредника Богородицы, передающего Ее слова «всему миру», крестьянина - наставника всех православных христиан - не что иное, как естественный (правда, уже совершенно неосознаваемый) продукт Смуты начала столетия, когда не только народ ощутил собственную политическую значимость, но и хундородный холоп (и первый - галичанин Григорий Отрепьев) - увидел себя помазанником Божьим, источником высшей власти в государстве⁶⁰.

«А было ли чудо?» - спросит иной читатель. Как кажется, наиболее верно «механизм» возникновения подобных явлений в средневековом обществе определил А.Я. Гуревич. Не отрицая их реальности, исследователь отметил, что человек этой эпохи «видел в своих грезах и бреду то, что навязывали ему как фольклорная традиция, так и религиозная идеология, и в своем интимном мистическом опыте находил образы и ситуации, о которых ему толковали приходский священник и странствующий проповедник и которые он видел

59

60

изображенными в церкви и соборе»⁶¹61. Всем этим условиям отвечает и видение Макария. Подобно тому, как французский крестьянин узнавал в явившейся ему Святой Деве статую Мадонны из собора, наш автор без труда определил в явившейся ему Богородице Казанский образ. Образ грозной Царицы Небесной находит отражение и в глубинах народной психологии: до сих пор верующие галичане преклонного возраста нередко противопоставляют «сердитую» Казанскую Божью Матерь «доброй и милостивой» Владимирской. Отметим также, что в словах Макария о том, будто «сей список списан с подлинного наказания Пречистыя Богородицы Козанския и тридневнаго Воскресения Христова, и святого архангела Михаила, и святого чудотворца Николы, и святых великомученицы Поросковей, нарицаемая Пятницы», представлен не произвольный набор хотя бы и особо почитаемых святых. Здесь перечислены иконы из местного чина иконостаса Казанской церкви Карпищевой пустыни, в чем легко убедиться, заглянув в опись, которая проводилась здесь в 1701 г.⁶²62. Но не только. Святитель Николай и мученица Параскева - наиболее почитаемые русским народом святые, его заступники от всевозможных бед и несчастий. Так что зримая и невещественная реальность в сознании Макария оказываются неразрывно слиты, однако неземные явления облекаются автором Сказания в привычные земные формы. Впрочем, и представление о Богородице как хранительнице устоев христианской педагогики и наставнице обучающихся и обучаемых уходит корнями в глубины народной психологии. Недаром в Казанском соборе на Красной площади Москвы находился список с чудотворного образа Божьей Матери «Воспитание», перед которым родители молились за своих детей⁶³63.

Вопрос, почему Макарию был явлен именно образ «строгой» Божьей Матери Казанской, имеет корни и в событиях русской истории. Обретенный в 1579 г., образ с наиболее благодатной силой впервые проявил себя в годы Смуты. В 1612 г. икона стала Путеводительницей второго ополчения, двинувшегося из Нижнего Новгорода на освобождение Москвы. Чудотворная сила, исходившая от образа, умноженная всеобщим постом и покаянием, помогла одержать победу над засевшими в столице поляками. Так в истории почитания Казанского образа воедино сошлись две линии: народная и государственная. Первая проявилась сразу после освобождения Москвы в 1612 г., когда, в отсутствие царской власти, воины ополчения «уставиша праздник торжественный празновати о таковой дивной победе»⁶⁴64. Общегосударственной святыней, «палладиумом царского дома Романовых, защитницей столицы царства и охранительницей трона» икона сделалась к 1636 г.⁶⁵65, когда на Красной площади Москвы встал каменный Казанский собор, занявший второе после кремлевского

61

62

63

64

65

Успенского собора место в иерархии столичных храмов. Он был возведен на средства царской семьи, которая «начаша к тому образу веру держати велию и повелеша празновати дважды в год и ход уставиша со кресты»⁶⁶⁶⁶. Так «почитание образа все более соединялось для царя Михаила Федоровича и его семьи с восприятием Казанской иконы как символа покровительства Богоматери не только Российскому государству, но и, особо, новой царской династии. Это личностное отношение, крепнущую веру и почитание Образа можно считать главными источниками создания все новых и новых храмов сначала в Москве, а затем и по всей России»⁶⁷⁶⁷.

В 1649 г. Алексей Михайлович официально распространил почитание образа на все государство. Этот день, 22 октября, стал последним общим праздником единой Русской Церкви. Однако случай с Макарием показывает, что то, скорее, была лишь констатация факта: общенародной святыней Казанская икона стала задолго до ее общегосударственного прославления.

К 60-м гг. XVII в., с одной стороны, течение российской жизни постепенно вошло в спокойную колею, и память о помощи Казанской иконы постепенно покрылось туманной дымкой легендарного прошлого, а с другой - страна вступила в новую полосу испытаний, связанных с Расколом Церкви. Последние годы царствования Алексея Михайловича и правление его преемника - Федора Алексеевича стали переломными в почитании образа, ибо гонимые приверженцы древнего благочестия страстно ожидали покровительства от святыни. Из столичного Казанского собора начался путь в ссылку главных идеологов старообрядчества - «неистового» Аввакума и Ивана Неронова. По преданию, сохраненному П.И. Мельниковым, после разгрома царскими войсками Соловецкого монастыря икона Казанской Божьей Матери - комнатный образ, ранее принадлежавший Алексею Михайловичу, - увела старца Арсения в заволжские леса, где тот основал первый раскольничий скит⁶⁸⁶⁸. Новый всплеск чудотворений от образа приходится уже на годы Северной войны, но именно тогда происходит переосмысление образа как святыни, оберегающей Русскую землю от нашествия иноплемеников.

Словом, чудо было не только реальным, но и желаемым. Как человек истово верующий, Макарий жил ожиданием чуда: на уровне подсознания у него действовал особый психический механизм, придающий «внешним и внутренним событиям субъективную вероятность», ставящий причинно-следственную связь событий в зависимости от явлений сверхъестественного порядка⁶⁹⁷⁰. Однако реальность чуда никак не может быть объяснена исключительно «особым физиологическим механизмом веры», ибо сам факт чуда сильнее всякого доказательства его реальности⁷⁰⁷¹.

66

67

68

69

70

Макарий передает следующие «наказания» Божьей Матери:

- «Чтобы любили друг друга и брат брата, сосед соседа, и ближняго своего, яко ж сам себе».

Макарий по памяти воспроизводит слова Спасителя, содержащиеся в Евангелии от Марка⁷¹⁷²: «Возлюбиши ближняго своего яко сам себе»⁷²⁷³. Это место, самоочевидное для всякого христианина, дано в Сказании в более расширенном понимании, нежели, к примеру, в Домострое. В последнем, хотя и подчеркивается, что необходимо возлюбить «всякого человека, по образу Божию созданнаго», все же делается немаловажная оговорка, ограничивающая действие этой заповеди: «рекше всякаго христианина»⁷³⁷⁴. В этом смысле Макарий оказывается гораздо ближе к духу заповеди всеобщей любви, завещанной Спасителем.

М.А. Ильин обратил внимание на то, что проповедь любви к ближнему не была на Руси абстрактной формулой: под нею понималось единство всех людей, населявших Российское государство⁷⁴⁷⁵. Исследователь приводит слова Никоновской летописи: «Вси бо сии един род и племя Адамово, цари и князья, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесленницы и работнии люди един род и племя Адамово, и забывшеся, друг на друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают отстояще от заповедей Божиих, еже любити искренняго своего яко сам себя»⁷⁵⁷⁶.

- «А дети отцов своих и матерей почитайте честно во всем».

Макарий отталкивается от Пятой Заповеди Моисеевой, однако знаком он с ней по Евангелию от Марка⁷⁶⁷⁸. Послушание детей родителям было основой воспитания в Древней Руси, и библейские тексты по этому вопросу являются наиболее цитируемыми в древнерусской книжности. Эта проблема кажется Макарию настолько очевидной, что он просто фиксирует ее как факт, тогда как, например, в Домострое она раскрывается более подробно (здесь проблемам послушания детей посвящена целая глава).

- «А родители чад своих не раздражайте, наказуйте их».

Перифраз известного изречения из Послания апостола Павла к Ефесеянам⁷⁷⁷⁹: «И отцы, не раздражайте чад, но воспитывайте их в наказании и учении Господни», заключающего квинтэссенцию педагогической мысли Древней Руси. Воспитание детей в страхе Господнем (ибо он есть начало премудрости)⁷⁸⁸⁰ не мыслилось без телесных наказаний. Этот способ педагогического воздействия - в соответствии со Священным Писанием - считался не только действенным проявлением родительской любви, но и виделся эффективным способом спасения детской души от грехопадения. Однако в отличие от Домо-

71

72

73

74

75

76

77

78

строю, признающего безусловность телесных наказаний, Макарий считает более важным соблюдение меры. Впрочем, в Древней Руси термин «наказание» не всегда понимался в прямом смысле как непосредственное физическое воздействие на воспитуемого. Это могли быть и различные наставления. Так, Домострой вменяет в обязанности главы семьи, чтобы тот наказывал домочадцев «не нужею, ни ранами, ни работою ташкою, имеюще яко дети во всяком покое... и во всяком устрое»⁷⁹81.

- «И не велите [детям] лаяться по жидовски и матерны не бронитесь».

Сквернословие считалось одним из смертных грехов, за который человек «не имеет наследия в Царстве Христа и Бога»⁸⁰82. В Древней Руси несмотря на явное притовопоставление «лаяния (то есть произнесения хулы) по-жидовски» и матерной брани, два этих выражения практически синонимичны друг другу. Еще митрополит Фотий (ум.1427 г.) требовал от священнослужителей: «Учите своих детей духовных, чтобы престаи от скверных слов неподобных, что лаются отцевым и матерным»⁸¹83. Осуждал мат и Стоглав⁸²84. В XVII же столетии брань сделалась обычной даже для служителей церкви, не пренебрегавших ею в храме. Адам Олеарий пишет, что на Руси мат - это обыденное явление - и духовные лица, и женщины, и даже дети не стыдятся осыпать друг друга бранными словами⁸³85. Но и подход к брани еще более ужесточился. Так, Повесть о табаке уже считает, что «егда человек матерно избранитца, то гибель его крововито, небо и земля потрясетца, а Богородице укоризну приносят»⁸⁴86. Как видим, проблема выводилась как в плоскость нравственную - оскорбление Матери-Земли, - так и в религиозную - матерная брань признавалась не только несовместимой с христианской верой, но и прямым оскорблением Богородицы как «Всепетой Матери», под Чьим благодатным покровительством находится все сущее. Особенно ярко это видно в духовной поэзии. У каждого человека - утверждается в них - имеется три матери:

Первая мать - Пресвятая Богородица,

Вторая мать - сыра земля,

Третья мать - кая скорбь приняла⁸⁵87.

А потому матерная брань - непростительный грех:

Мы за матерное слово все пропали,

Мать Пресвятую Богородицу оскорбили,

Мать мы сыру землю осквернили⁸⁶88.

Так что связь запрета на произнесение бранных слов с воспитанием в страхе Господнем прямая и очевидна. В отличие от памятни-

79

80

81

82

83

84

85

86

ков более раннего времени, возлагавших ответственность за отучение от брани на священнослужителей, Макарий считает это прямой задачей родителей. А это снова заставляет вспомнить слова Олеария. Дети в русских семьях - отмечал он, - узнавали бранные слова раньше, чем имя Бога: «...подобные гнусные речи... говорят... родители детям, а дети родителям»⁸⁷⁸⁹. Прекратить эту порочную практику могли только нормальные отношения в семье, не только увещевания священнослужителей.

В XVII в. мат рассматривался как «жидовское слово»⁸⁸⁹⁰. Видимо, здесь мы имеем дело с поздним, уже по большей части забытым, отголоском борьбы с ересью жидовствующих, преданных анафеме в 1504 г. Выражение «лаяться по-жидовски» вовсе не несет в себе уничижительного, националистического оттенка. Опираясь на текст Просветителя преп. Иосифа Волоцкого, мы можем трактовать данную фразу в расширительном значении произнесения «хулы на Господа нашего Иисуса Христа, на Пречистую Богородицу, на великого Иоанна Предтечу и на всех святых апостолов, мучеников, преподобных и праведных», поругание церквей, креста и икон⁸⁹⁹¹. Говоря иначе, запрет на «лаяние по-жидовски» в противопоставлении брани матерной - это прежде всего запрет на богохульство и, может быть, на высказывание противных Православию еретических мыслей.

В народном сознании само слово «жид» считалось ругательным. «Русского нельзя сильнее обидеть, как выбравив его жидом,» - отмечает Адам Олеарий⁹⁰⁹². Но, опять-таки, это имело религиозную подоплеку - обозвать человека жидом было равнозначно преданию его проклятию:

Жи́ды у Христа Бога прокляты,
Жи́ды за Христом Богом гоняли,
Жи́ды Христа Бога распинали,
На лю́тые му́ки предавали⁹¹⁹³.

- «ни кленитесь именем Божиим».

Данное место восходит к тексту Нагорной проповеди, в котором Спаситель категорически запретил произносить какие-либо клятвы⁹²⁹⁴. Запрет клясться именем Божиим встречается в произведениях древнерусской книжности со времен Киевской Руси. На этом вполне очевидном факте Макарий не заостряет особого внимания.

- «и проклятого табаку не пейте отнюд».

Курение («питье») табака, сделавшееся в XVII в. повсеместным на Руси, было одной из наиболее болезненных язв той эпохи, считавшихся, однако, в отличие от современности, моральной проблемой. Один из первых указов против курения был издан царем Михаилом Федоровичем в 1634 г. В нем за хранение «чертова ладана» как

87

88

89

90

91

92

русским людям, так и иностранцам, полагалась смертная казнь с конфискацией имущества. Эти меры были подтверждены Соборным Уложением 1649 г.⁹³95. В глазах русских - в том числе и Макария - связь курения табака с латинской верой - католичеством - была несомненной, так как зелье попадало на Русь главным образом через «литовских людей» (поляков) и «иноземцев, которые... Государю служат»⁹⁴96. Курящему человеку, формально считавшемуся если не вероотступником, то иноверцем, запрещалось входить в церковь, прикладываться к Евангелию и иконам, принимать причастие (ибо, как подчеркивалось еще в Домострое, «мерзско Господеви наш смрад и обоняние»)⁹⁵97; с курящими запрещалось есть за одним столом и даже мыться в одной бане⁹⁶98. Формально Макарий идет дальше этих запретов, объявляя - вполне в духе национальной психологии того времени - иноверцами⁹⁷99 не только любителей табачного зелья, но и тех, кто отваживается есть и пить с ними за одним столом. И это - не издержки религиозной нетерпимости. Это - буквальное следование заветам Писания. «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую, - писал апостол Павел, - не можете быть участниками в трапезе Господней и трапезе бесовской»⁹⁸100.

- «А отцы духовныя детей своих учили страху Божию и заповеди Божия творити, и к церкви Божии приходити по вся дни».

Это место находит параллели в Стоглаве. «И того ради, - предписывается в нем, - вам священником подобает своих духовных детей поучати и наказывати прилежно, чтобы все православные крестьяне к церквам Божиим ходили и к вам на покаяние приходили с женами своими и с детьми и жили бы потому же в чистоте и в покаянии и в прочих добродетелех, якоже подобает православным крестьяном»⁹⁹101. Впрочем, в обществе, где обязанности пастырей по отношению к пастве строго соответствовали идеалу, трудно ожидать подобных предписаний. Недаром в XVII в. многие миряне предъявляли духовным отцам вполне обоснованные претензии. «...И соблазнились о нас, учителей, - жалуется приходский священник, - не умеем вас учить и наказати, толко свое чрево насыщаем от вас, да честни и славни творим ся, а о ваших душах не печемся»¹⁰⁰102. Тем не менее, Макарий тонко подметил одну важнейшую черту древнерусской педагогики. При общности целей (воспитание в страхе Божьем) обязанности родителей и духовного отца по отношению к ребенку были различны. Если в обязанности семьи входило воспитание, то есть научение детей душевному, мирскому и домовому строению (такая программа в наиболее полном и систематизированном виде представлена в Домострое), то духовный отец, исповедовавший всю

93

94

95

96

97

98

99

100

семью, по выражению В.О. Ключевского, «мог проверять и исправлять результаты воспитания»¹⁰¹103. С общей же целью родителей и духовного отца - воспитанием в страхе Божьем - согласуется и необходимость соблюдения заповедей Божьих, и ежедневное посещение храма. Одним словом, - воспитание в страхе Божьем предусматривало создание в человеке того постоянного душевного настроения, когда он боялся совершить греховный проступок, а отнюдь не слепого повиновения навсегда установленному порядку жизни.

- «А дети бы духовных отцов покорялись бы учению их».

Вопрос о взаимоотношении паствы и пастырей в XVII в. (да и в другие эпохи) был на Руси весьма болезненным: в глазах мирян духовные отцы не всегда соответствовали идеалу, равно как и паства не всегда следовала наставлениям духовных отцов. Не случайно в уже цитированном Поучении отца духовного пастырь в ответ на упреки прихожан ставит им в укор: «и вы... нас не слушаете, а все телу своему угодне творите, а своей душе ни малая части не уделяете»¹⁰²104. По Домострою, безусловность подчинения духовному отцу - один из устоев семьи. Ведь пастырь - «учитель наш и наставник», с ним просто необходимо постоянно «советовати... о житии полезном, и востязатися от грехов своих, и како учить и любить мужу жену свою, и чяда, и раб, а жене мужа своего слушати, и спрашиватися по вся дни, а извещатися о гресех своих всегда... и обнажати грехи своя вся, и покарятися пред ним во всем»¹⁰³105. Сам Макарий следовал этому идеалу - в Сказании его духовный отец, приходский священник с. Бушнева Тимофей, играет вторую после автора роль. Ему последний открывает смысл свершившегося с ним чуда, с ним едет на указанную Богородицей Карпищеву пустошь. А о большом авторитете о. Тимофея среди прихожан и его праведной жизни свидетельствуют слова Богородицы, именно ему поручающей сохранение Своего образа. Вряд ли такой чести мог удостоиться духовный отец, не проявляющий должной заботы о прихожанах, грубый, невежественный, запойный пьяница. В 90 случаях из 100, по моему мнению, подобный образ духовного отца является мифом, созданным глумливой атеистической пропагандой.

Ниже идет конкретизация того, что должны внушить пастыри своим духовным детям, а те, в свою очередь, принять это к безусловному выполнению:

- «дабы веровали вь Господа нашего Исуса Христа»;
- «а среду и пяток почитали»;
- «и к церкви Божии приходили с верою».

Эти наставления настолько самоочевидны для верующего человека, что Макарий даже не считает нужным подробнее останавливаться на них.

- «и праздники честно имели Христовы, и Богородичны, и Архангеловы, и Предотечевы, и всех святых. И в те бы дни святые в чисто-

101

102

103

те пребывали, и упражнялися бы на молитву, и к церкви Божии приходили с верою».

Это требование можно рассматривать двояко. С одной стороны, строгие многодневные посты, неуклонно соблюдавшиеся на Руси всеми - от царя до нищего, по окончании - особенно на Святой Неделе - превращались, по словам изумленных иностранцев, «в страшный разгул»¹⁰⁴106, когда о чистоте и молитве забывали и думать. Разумеется, такое поведение вызывало осуждение у многих русских. «А пиров против праздников не чините, - читаем мы в Поучении отца духовного, - не пейте до великого пьянства, чтоб заутренняя не проспати, а праздников за все пытаите у церкви, как бы вашим неведением в кои праздник на коеи неделе в грех не впасти»¹⁰⁵107. С другой стороны, ключ к разгадке этого места Сказания дает Стоглав. Ведь именно здесь обличается «еллинское беснование», творившееся во многие праздники христианского календаря, особо выделенные Макарием: на Троицу, Рождество и Крещение Христовы, Рождество Иоанна Предтечи, в Великий Четверг, в первый понедельник Петрова поста и в иные святые дни, которые некогда совпадали с языческими праздниками¹⁰⁶108. «Вместо же сего беснования, - предписывает Стоглав, - отныне и впредь подобает христианом на таковая святых и честных праздники и посты к церквам Божиим на молитву упражняться и песнями Божественными слаждатися, и святаго почитания Божественнаго со вниманием слушати, и на Божественных Литургиях со страхом стояти и потом брашном и питием вкупе, о Бозе ликовствующе со священническим чином и со други своими и маломощных питающе, и веселящесе во славу Божию, а не пьянством, якоже и в прочия Господьские праздники»¹⁰⁷109. Предписание Макария почти дословно совпадает с этим постановлением, обличая праздничное неистовство плоти. В этом отношении Галич, по-видимому, не был исключением. Вплоть до нашего времени здесь сохранились (правда, в уже трудно осознаваемом виде) пережитки почитания Ярилы, некогда слившегося с местным мерянским божеством, а также Купалы. Капище первого, согласно бытующим до сих пор преданиям, находилось на Поклонной горе, а святилище второго - на берегу озера¹⁰⁸110.

- «Некакова бы помысла и гнева не ймели на друга своего, а во гневѣ бы не простяся, в церковь Божию не входили. А священники бы их такожде во гневѣ не простяся друг со другомъ в церковь их не пушчали и приношения бы от гневливых в церковь не принимали».

Первоисточник этого наставления - Нагорная проповедь¹⁰⁹111. Подобные советы следует признать одним из общих мест русской книжности XVII в. Так, в Поучении отца духовного можно найти сходные мысли: «О горе тому иже на кого кто гнев держит, или бився или

104

105

106

107

108

109

сварився с кем, или кому что зло сотворил, на кого зло на сердца имея, а не протився идет в церковь, или просвиры и свещу принесет, тот принос его недостоин, а сам виновен есть муце вечныи»¹¹⁰¹¹². Правда, Макарий настроен более радикально, требуя от священнослужителей, чтобы те не только не принимали никаких приношений от гневливых, но и даже не пускали бы их в храм. Очевидно, подобные наставления порождались общественным нестроением (недаром XVII в. вошел в историю как бунташное время!) и, как следствием его, ростом ожесточения в людях. На Руси в эпоху первых Романовых это ожесточение, наряду с традиционным в подобных случаях мордобоем, вырыванием бород и площадной бранью, принимало подчас курьезные формы в виде нелепых доносов и кляуз властям предержавшим. Массовых репрессий, слава Богу, это еще не вызывало, но приводило в разорительным тяжбам и разбирательствам, подчас тянувшимся десятилетиями¹¹¹¹¹³. Действенным средством прекращения подобного рода практики Макарий считал обращение мирян к заповедям Спасителя, но с обязательной поддержкой со стороны священнослужителей, причем подчас в довольно жестких формах.

- «А каноны молебныя сотворяли от меду пресного, а не хмельныя».

Канон (канун) - ритуальное блюдо, специально готовившееся для поминовения во здравие или за упокой, входит в состав даров, рекомендованных Домостроем для приношения в храм¹¹²¹¹⁴. Для приготовления данного блюда использовались разные продукты - вареный рис, сыченый медом, кисель с медовой сытой, пиво или брага. В Костромской губернии, как отметил В.И. Даль, кануном называлось пиво, смешанное с медом, которое ставилось после всенощной к иконе Николая Чудотворца¹¹³¹¹⁵. Возможно, это и имел в виду Макарий, запрещая смешивать его с хмельным (заквашенным) медом. Если это так, то здесь мы имеем одну из немногих местных реалий. Впрочем, запрет на изготовление хмельных ритуальных блюд соответствует Стоглаву, где предписывалось «в олтарь и жертвенник по священным правилом пива и меду и квасу и браги и хлеба и колачей и всякого брашна ни людских сокровищ не вносити»¹¹⁴¹¹⁶. И все же практика подобных приношений была на Руси столь широка, что, согласно постановлению того же Стоглава, в алтаре отводилось специальное место - кутейник, куда миряне «приносят кутью и канон и прочее брашно, еже церковником на потребу»¹¹⁵¹¹⁷. Но здесь, как кажется, Макарий больше заботится о пресечении самой возможности пьянства среди священнослужителей.

110

111

112

113

114

115

- «А свещу и просвиру такожде коиждо по силе своей к церкви Божии приносили».

Свеча и просфора также рекомендованы Домостроем для приношения в церковь¹¹⁶118. Немаловажно, что этот памятник книжности, в полном согласии с которым находится Макарий, подчеркивает, что эти дары не могут быть приняты, если человек, их принесший, находится с кем-либо в ссоре: «и шед преж смирися з братом своим, тогда принеси дар твои к Богу от праведнаго имения твоего, а от неправды неприятна милостыня»¹¹⁷119. Единственное, в чем автор Сказания расходится с Домостроем, - в том, что если последний - в согласии с Евангелием - требует «смириться» с ближним, то первый настаивает на испрашивании у обиженного прощения. Последнее сделать, несомненно, труднее, но награда - выше, ибо этот поступок требует большего смирения.

- «А молебная бы пения безпрестанно возсылали к Богу».

О долге христианина постоянно воссылать молитвы к Богу говорит и Домострой: «...Достоит всякому христианину... молитва Иисусова во устех непрестанно имети, и в церкви, и в дому, и в торгу, ходя и стоя, и сидя, и на всяком месте»¹¹⁸120. Так что здесь Макарий не расходится - да и не может разойтись - с общепринятой практикой.

-«А обеты своя из абещания на добрая дела с душа сводили».

Соотношение обетов с добрыми делами - одна из глубинных черт русской народной психологии. И наиболее яркие параллели этому мы найдем не в Стоглаве и даже не в Домострое, а в русской эпической поэзии - былинах. Таково благословение Ивана Тимофеевича своему сыну - Илье Муромцу, отъезжающему на службу к киевскому князю Владимиру.

- «А в Воскресение Христово никакова дела не делати, ни рабом своим, ни детем не велите работати. А в среду и пяток да обеда не тружайтесь, и в те дни упражняйтесь, намолитесь на молитву и в чистоте пребывайте день и ночь».

В этом вопросе Макарий более близок к народной религиозности. Как свидетельствуют духовные стихи, пятничный пост, связанный с именем святой мученицы Параскевы, особо почитаемой как хранительница домашнего уклада, отождествлялся не только с телесной, но и с бытовой чистотой. Так что всякая работа, связанная с грязью, в этот день считалась предосудительной. Позднее этот запрет распространился и на среду. К середине XVI в. вопрос о допустимости труда в среду и пятницу, очевидно, сделался настолько актуальным, что даже обсуждался на Стоглавом соборе. В его решениях было отмечено, что «лживые пророки-мужики и жонки, и девки, и старья бабы», что ходят «по погостом и по селом и по волостем... наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются», вводят мирян в соблазн. Сообщая, будто им являлись святые Параскева Пятница и Анастасия, они «учат и заповедывают в среду и пятницу

116

117

118

ручного дела не делати и женам не ткати, ни прясти и платья не мыти, и каменя не разжигати». В этой связи данные наставления были признаны бесовской прелестью, и Стоглав предписал «всем православным хрестьяном чрез весь год в среду и в пяток не токмо поститися, но и тружатися во всяких подвизах и делати своима руками... И того бы ради православные хрестьяне таковых прелестников одиночно не слушали, а в среду бы и пяток не токмо постилися и чисто жили, но и всякими делы тружатися в славу Божию по своей силе»¹¹⁹¹²¹. Таким образом, Стоглав признавал, что работа в среду и пятницу, являясь трудом во славу Божию, обязательна для мирян так же, как и пост. То, что Макарий вновь поднимает этот вопрос и даже избирает для его решения компромиссную форму (в среду и пятницу запрещается труд до обеда), видимо, объясняется тем, что апостольские и святоотеческие правила, на которые ссылались составители Стоглава, все же сохраняли здесь определенную неясность. Так, правило 16 св. Петра, архиепископа Александрийского предписывало лишь обязательность поста в среду и пятницу, оставляя вопрос о предосудительности или желательности труда в эти дни недели без ответа¹²⁰¹²². Но показателен другой аспект этой проблемы - по мнению Макария, хороший домохозяин должен запретить работу в эти дни не только собственным детям, но и слугам. И здесь мы снова сталкиваемся с одним из принципов древнерусской педагогики. На главу семьи - домохозяина - падала моральная ответственность за всех, кто находился в его доме, будь то родное чадо или домочадец, ибо, как подчеркивают и Домострой, и автор Поучения отца духовного, ответ за них ему придется держать перед Богом в день Страшного Суда¹²¹¹²³. Как и детей, слуг полагалось воспитывать в страхе Божьем - «и аще таковых людей у себя имеши, сам от Бога благодать обрящещи и те души спасещи»¹²²¹²⁴.

К этим наставлениям вплотную примыкают слова Богородицы из последнего видения, где Она требует, чтобы супруги воздерживались от «брачного совокупления... чрез весь год по три дни в недели, понеделник, среду и пяток». К этим запретным дням автор Поучения отца духовного добавляет также и субботу, разъясняя: «во фторник и в четверг совокупляйтесь з женами своими... В субботу на вечерни велено от всякого дела упраздниться, в мовницах не велено мытисся, понеж убо в субботу вечер наречется неделный день»¹²³¹²⁵. Однако Макарий оказывается ближе к каноническим правилам: в субботние дни, за исключением Великой субботы, Апостольские правила строгий пост воспрещали.

Почти все слова Богородицы, поведенные Макарием, мы встретим в уже упоминавшемся Сказании о явлении чудотворной иконы Божьей Матери Тихвинской на Красной горе. Явившись неведомой

119

120

121

122

123

крестьянке, она наставляет через нее всех православных христиан: «...А табак бы отнюдь не пили и... не бранилися и хмельные бы люди в церковь не ходили... а во церкви бы стояли со страхом и трепетом на молитве беспрестани и молились бы со слезами и друг на друга сердца бы не имели со гневом и жили бы по святым отцам по правилу... И не христианою бы в праздники Господские никакой работы не работати и трав не косили бы, и хлеба не жали, а молились бы всемилостивому Спасу на Красной горе и Пречистой Богородице, и росписи росписывали и розсылали по всем городам и погостам и по волостям, чтобы весно было про все наказание и христиане бы обратились бы ко Господу Богу и грехов своих покаялись бы».

За соблюдение подобных наставлений Богородица обещает в Сказании всевозможные блага. В передаче Макария эти слова выглядят словно сошедшими со страниц Домостроя. Сказание о явлении иконы Божьей Матери Тихвинской на Красной горе оказывается более кратким в плане обещаемых благ: «А Господь даст всякого изобилия многое множество более и прежнего»¹²⁴¹²⁷. А.П. Щапов по этому поводу отметил: «Одно явление иконы Богородицы, по народному верованью, было причиною обильного урожая хлеба и всякого овоща, хорошего лета, ведряной погоды, плодovitости скота, здоровья народного». Но - подчеркивал исследователь - на эти явления, равно как и на святых, «при своем практическом характере» русский народ смотрел с «натурально-практической точки зрения. Он представлял, что святые назначены ему быть помощниками в борьбе с стихиями природы, поддерживать его физическое, материальное благосостояние и ждал от их чудес существенной, материальной, житейской пользы»¹²⁵¹²⁸.

Бедствия, обещаемые Богородицей за послушание Ее велений - одно из общих мест древнерусской книжности, ибо русский народ полагал, что в природе действуют не физические силы, а силы святых¹²⁶¹²⁹. В сказаниях Божья Матерь, как правило, обещает ниспослать с небес огненную молнию и горящие камни, «мороз лютый» в страдную пору, падеж скота и другие несчастья¹²⁷¹³⁰, так или иначе связанные со своеобразием русской природы¹²⁸¹³¹. Но это одновременно - и общая черта средневекового мировоззрения, характерная как для Руси, так и для Западной Европы, ибо, по оценке Ж. ле Гоффа, «именно в природных бедствиях средневековый человек находил образы для выражения и оценки духовных реальностей»¹²⁹¹³².

«Безвестный» исход в иные города и веси России тем опасен для православного человека, что, как уже показал исторический опыт Смуты, он чреват утратой внутренних связей в обществе - потерей самой его основы и сути, которую принято называть соборностью.

124

125

126

127

128

129

Одновременно для автора Сказания, как и для любого русского человека его эпохи, Казанский образ - это символ борьбы с католичеством в целом и с его яркими приверженцами, поляками, в частности¹³⁰133. Вот еще одна причина, почему он так страшится нашествия иноверцев, наведенных на Россию за неисполнение велений явившейся святыни.

Вместе с тем, и автор Повести, и Макарий - миряне, для которых бедствия вполне конкретны и материально ощутимы. Автор Поучения детям духовным, напротив, духовное лицо, для которого «лютая казнь» ожидается в «будущем веце» и носит, скорее, нравственный характер.

Вполне естественно, что, следуя «наказанию» Богоматери, Макарий превратился бы в идеального главу семейства - домохозяина, чье поведение в различных сферах бытия - общественного, семейного и личного - соответствовало бы самым строгим нравственным установкам, или, говоря словами Домостроя, он стал бы именно тем человеком, кто, постоянно живя «и по заповеди Господне, и по отческому преданию, и по христианскому закону... в сем веце угодит и жизнь вечную наследит»¹³¹134.

Насколько мировоззрение Макария глубоко традиционно, настолько в его рассуждениях очень мало местной специфики. Галичанин в нем проявляется, скорее, в территориальном смысле. Во-первых, - и это, пожалуй, самое главное - он точно знает, «с чего начинается Родина», точнее, Святая Русь - с его села, избранного и отмеченного Самой Богородицей. Причем, подчеркнем особо, святость родного места является исходным пунктом формирования местного самосознания - и не только в Галиче. «Возникновение культа святых икон, - отмечает А.Н.Власов, - в Устюжском крае было тесно связано с процессом становления местного (областного) самосознания, с зарождением у устюжан чувства родины по отношению к освоенным ими пустынным землям Севера»¹³²135. Отчасти это мнение верно, если связать местное самосознание с общим идеалом Святой Руси. Осознание богопосещенности родных мест как составной части этого идеала - и есть главная черта местного самосознания.

Причем местное самосознание уже не означает местничества. Наоборот, общерусский патриотизм Макария вполне органично сочетается с местным. Остальное уже налагалось на эту основу. Поэтому Макарий, как житель лесного края, во-вторых, совершенно справедливо связывает его благосостояние с лесом и гибель чащоб считает залогом гибели родных мест. Наконец, в-третьих, историческая память автора Сказания держит лишь наиболее яркие, экстраординарные, события сравнительно недавнего прошлого, такие, как памятная для всех галичан Смута начала XVII в., непосредственно затронувшая их родные места. Даже три десятилетия спустя

130

131

132

живы были недобрые воспоминания об иноверцах-поляках, ужас перед которыми, даже несмотря на то, что от Галичского уезда, говоря словами Н.В.Гоголя, «хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь», сохранился и ожидался как неизбежное проявление кары Господней за нечестие¹³³136. В общем и целом получается, что местное самосознание Макария оказывается скорректированным его традиционным мировоззрением и ему же подчиненным.

Суть подобных взглядов в свое время была очень верно схвачена Б.Н. Чичериным: «...когда идеи, которыми живет общество, ограничиваются патриотизмом, в этом невозможно видеть серьезного общественного мнения. Это скорее признак младенческого состояния политической мысли»¹³⁴137.

И вместе с тем, местный патриотизм, то есть осознание своей общности с людьми, связанными единым местом проживания, при отсутствии в Древней Руси представлений о личном достоинстве человека, отражал потребность в самоуважении. Степень последнего у Макария чрезвычайно высока. Несмотря на то, что он порой считает себя «многогрешным» и «малоумным», автор Сказания ни разу не сообщает своего имени, как это было общепринято в те времена, в уничижительной форме. Для читателя он - не Макарка, Макарейка и т.п., но Макарий, то есть человек, вполне осознающий собственную самоценность, ибо именно его удостоила Богоматерь Своим явлением. Один раз автор Сказания прибавляет к своему имени суффикс -ищ- - Макарища, но и это не содержит уничижения, - скорее, бранный, ругательный оттенок (еще бы - человек, послушавшийся веления Богородицы!), с упором на преобладание в характере грубой физической силы.

Хочется отметить также и то, что чудо созвучно и соразмерно неброской северной природе: «Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление»¹³⁵138. Нет в видении ни буйства красок, ни неистовства характеров - все происходит обыденно, буднично. Даже - хотя дело происходит на Страстной неделе - в Сказании нет ощущения приближения праздника: в Вербное воскресенье Макарий с крестьянами трудится в поте лица - возит лес и ставит сруб под новую церковь. Конечно, и эта спешка, и масса народа, участвующая в стройке, объясняются тем, что по обету Макарий должен был возвести обыденную церковь, когда в один день необходимо было успеть срубить лес, поставить сруб и подвести его под крышу.

И все же Христос, явившийся в облаке, и сонм ангелов и святых, сопровождающий телегу с больным Макарием, словно вросли в повседневную крестьянскую жизнь, не нарушая привычного ее распорядка и не вызывая всеобщего удивления. Картина, до мелочей напоминающая эпизоды известного фильма А. Тарковского: засне-

133

134

135

женная деревня, распятый на околице Христос в мужицкой рубахе и лаптях, а вокруг - коленопреклоненные крестьяне, ненадолго оставившие повседневные дела. Ни сочувствия, ни сострадания, ни удивления - только безмерная усталость.

Цветовая гамма чуда, без сомнения, имеет прямую связь не только с окружающей обстановкой. На нее влияет и степень соприкосновения с грехом. Так, исцеление Саввы Грудцына¹³⁶139, совершенное от престольного Казанского образа в Москве в присутствии царя и Патриарха, имеет торжественную, праздничную расцветку. Но это - лишь внешний декор. В первый раз одержимый бесом видит в образе «жену святолепну, светлостью сияющую и ризу багряню носящую» - преобладание пурпурных красок предвещает здесь пробуждение от греховного сна¹³⁷140. Вторично Савва Грудцын наблюдает «жену в белых ризах одеянную, всякими лепотами сияющую» - пронизанная небесным светом, Она озаряет тленный мир, наполняя окружающих лучами Своей славы¹³⁸141. Чудо в Бушневе случилось в ином контексте - Макарий оказался один на один с Богородицей. Идеи личного согрешения как в случае в Саввой Грудцыным здесь нет, как нет и осознания греховности всей Русской земли. А потому и расцветка чуда только угадывается.

И все же Макарий не отделяет своей судьбы от судьбы родных мест, а судьбы своего уезда - от судьбы России. Автор Сказания более чем традиционен, и под многими его словами мог подписаться всякий мало-мальски верующий житель любого уезда. Ведь все, что поведала Макарию Богородица, было направлено против типичных язв российской действительности. При этом наиболее злостные из них подвергаются более тщательному рассмотрению, нежели факты самоочевидные. И, осуществляя запись такого откровения, автор Сказания прежде всего ощущал себя православным, а в последнюю очередь - жителем починка Филинова Бушневской волости Галичского уезда. Конечно, многие записанные им требования более жестки и бескомпромиссны, чем суждения современников, ставивших перед собой аналогичные цели. Но это уже - свойства характера Макария, человека простого, но фанатичного. Вполне закономерным кажется его дальнейший шаг, отраженный в Предании: вскоре после явления иконы автор Сказания принял постриг в новопостроенной обители.

Так или иначе, явление чудотворного образа в Бушневской волости совпало с популярной в 40-50-е гг. XVII в. идеей оцерковления частной жизни, повседневного быта и самого человека - идеей, присущей не только «верхам» русского общества, но и народным «низам»¹³⁹142. Эта идея на фоне обмирщения традиционной культуры обладала огромной взрывчатой силой, с середины XVII столетия раскалывавшей русское общество на неистовых ревнителей «древлего благочестия», столь же бескомпромиссных «боголюбцев» - сторон-

136

137

138

139

ников реформ Патриарха Никона и рядовых «богобоязников», которые восприняли исправление книг и обрядов как нечто само собой разумеющееся, не подлежащее сомнению. И эта готовность к духовному расколу ощущается во многих строках разбираемого Сказания - от запрета вкушения пищи и питья с любителями табачного зелья (ибо по сути дела они иноверцы) до обещания немислимых кар тем, кто не подчинится строгим велениям Божией Матери.

Список сокращений

АЕ - Археографический ежегодник
ВрМОИДР - Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских
ГИМ - Государственный исторический музей
д. - дело
ед. хр. - единица хранения
ЖМНП - Журнал Министерства Народного Просвещения
л. - лист
МАО - Московское Императорское Археологическое общество
МГАМИД - Московский государственный архив Министерства Иностранных дел
МДА - Московская Духовная академия
оп. - опись
ОР РГБ - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (бывш. им. В.И.Ленина)
ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РА - Российская археология
РБС - Русский биографический словарь
РГАДА - Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА)
РИБ - Российская историческая библиотека
СА - Советская археология
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ МГПИ им. В.П.Потемкина - Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.П.Потемкина
ф. - фонд
ЧОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете

Список сокращений названий библейских книг

Апок. - Апокалипсис
Втор. - Второзаконие
Евр. - послание к Евреям
Еф. - послание к Ефессянам
Иов - книга Иова
1 Ин. - 1-е послание апостола Иоанна
Исх. - Исход

1 Кор. - 1-е послание к Коринфянам
Матф. - Евангелие от Матфея
Мк. - Евангелие от Марка
1 Петр. - 1-е послание апостола Петра
Притч. - книга Притчей Соломоновых
Пс. - Псалтирь
Римл. - послание Римлянам
Сирах - книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова

1. Флоренский П.В. Столп и утверждение Истины.– М., 1914 год.– С.369-370.

2. В XVII веке Бушневская волость числилась в Парфеньевской осаде Галичского уезда; с XIX века село Бушнево – в составе Чухломского уезда Костромской губернии, ныне – в составе Палкинского сельсовета Антроповского района Костромской области.

3. Ф.181 (библиотека МГАМИД [Московский государственный архив Министерства Иностранных дел]), д.605.

4. Лл. 110 об. - 111 об., 128 - пустые.

5. В публикации посланий Ивана Грозного (Послания Ивана Грозного.– М; Л., 1951 год. С.562-564) этот список не отмечен.

6. Гераклитов А.А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения.– М., 1963 год.

7. Филигранные XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог. Сост. Т.В.Дианова, А.М.Костюхина.– М., 1988 год.

8. О нём см.: *Веселовский Степан Борисович. Дьяки и подьячие XV-XVII веков.*– М., 1975 год. С.86-87; Зиборов В.К., Яковлев В.В. Савватий. //Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII века).– СПб., 1998 год. С.325-327.

9. История Европы с древнейших времен до наших дней. - Т. 4. Европа Нового времени (XVII-XVIII вв.). - М., 1994. - С. 70.

10. Холмогоровы. Материалы... - С. 314.

11. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. и изд. А.И.Юшков. Ч. 1 (1257-1613 гг.). М., 1898. N 146.

12. Одно из первых упоминаний этой дороги мы находим у Сигизмунда Герберштейна (Записки о Московии. - М., 1987. - С. 162). Она вела из Москвы к Вятке через Кострому и Галич. Это был наиболее короткий, но и весьма трудный путь, ибо «затруднён лесами и болотами, которые лежат между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит народ черемисов». Позднее эта дорога сделалась ответвлением пути на Сибирь (*Платонов Сергей Фёдорович. Очерки... С.22*).

13. В качестве таковой Бушневская волость упоминается в декабре 1612 г. (Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611-1613 гг. // Смутное время Московского государства 1604-1613 гг. - Вып. 5. - М., 1911. - С. 166.

14. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. - Т. 9 // Соч. - в 18 кн. - Кн. V. - М., 1990. - С. 345. О Томиле Луговском см.:

РБС. - Т. Лабзина-Ляшенко. - С-Пб., 1914. - С. 712-715; Веселовский С.Б. Дьяки... С. 301-302.

15. После падения Василия Шуйского Томила Луговской был даже назван в числе наиболее верных сподвижников низложенного царя. См.: Тюменцев И.О. Список сторонников царя Василия Шуйского (новая находка в Шведском государственном архиве). // Археографический Ежегодник за 1992 год.– М., 1994 год. С.318-319.

16. Иванов А.П. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского Архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. - М., 1853. - С. 241.

17. Примера ради: в 1620 г. в Галиче на Посаде числилось чуть больше 140 жилых дворов.

18. Бушнево и его церкви. - М., 1892. Об этом издании мне известно со слов протоиерея Валентина Ратькова, который почти дословно воспризвел ее в статье «Былое» [Благовест. Издание Костромской епархии. - 1995. Апрель-май. N 1(21). - С. 9-10].

19. РГАДА, ф. 281, оп. 3, д. 3548.

20. Сапрыгина Е. Графы Мусины-Пушкины и Костромской край // Губернский дом. 1994. N 5. С. 59-60.

21. Зеленин Д.К. Обыденные полотенца и обыденные храмы // Живая старина. - 1911. - Вып. 1. - С. 18-19.

22. Уваров А.С. Обыденные, единокровные церкви // Древности. Труды МАО. - Т. I. Вып. 2. - М., 1867. - С. 43, 46 (отд. пагинации).

23. Зеленин Д.К. Обыденные... С. 18-20.

24. РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 23, л. 980 об.

25. Там же, л. 983 об.

26. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющих по Духовному Ведомству. - С-Пб., 1863. - С. 206. N 719.

27. Бобылями называли крестьян, либо настолько малоимущих, что по бедности они были неспособны нести полное государево тягло, либо занимающихся ремеслом, а потому не имеющих возможности обрабатывать землю.

28. Крестьянские челобитные XVII в. Из собрания Государственного Исторического музея. - М., 1994. - С. 14-18.

29. Выражаю искреннюю признательность уроженцу с. Бушнева А.М. Стульникову за представленную информацию.

30. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 94.

31. Векслер А.Г., Мельникова А.С. Московские клады. - М., 1988. - С. 129.

32. Власов А.Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI-XVII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: разные аспекты исследования. - С-Пб., 1994. - С. 224.

33. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. - М., 1990. - С. 166-168.

34. Власов А.Н. Сказания... С. 215, 224.
35. Щапов А.П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого) // ЖМНП. - 1863. Ч. СХVII. - С. 39-40.
36. Смирнов С. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. - М., [1912]. - С. 235-240.
37. Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Г.Кушелевым-Безбородко под ред. Н.Костомарова. - С-Пб., 1860. Вып. 2. - С. 434.
38. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. - М., 1991. - С. 209.
39. Беляев И. Полное... - С. 206. N 719.
40. Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон. Под ред. Е. Поселянина. - М., 1909. - С. 446.
41. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1. - Frankfurt-a/Main, 1957. - С. 5.
42. Фроловский Г. Пути... С. 57.
43. Смирнов С. Древне-русский духовник. Исследование. - М., 1913. - С. 202-203.
- 44 1 Ин. 5:19.
- 45 Римл. 1: 21-25.
- 46 Леви В.Л. Я и мы. - М., 1973. - С. 68.
47. Языкова И.М. Богословие иконы. М., 1995. С. 12-13.
48. 1 Петр. 3:4.
49. Соловьев Вл.С. Русская идея // Соч. Т. 2. - М., 1988. - С. 309.
50. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию. Размышления священника-психолога. - М., 1994. - С. 139-140.
51. Лихачев Д.С. Национальное... - С. 112.
52. Ср.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. - М., 1990. - С. 218.
53. Сабиров В.Ш. Русская идея спасения. Жизнь и смерть в русской философии. - С-Пб., 1995. - С. 93.
54. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Избр. статьи. - В 3-х тт. - Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллинн, 1992. - С. 407.
55. См.: Сабиров В.Ш. Русская... С. 9.
56. Снеессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых Православною Церковью, на основании Священного Писания и церковных преданий. - С-Пб., 1892. - С. 153.
57. Никольский Н.М. История русской церкви. - М., 1988. - С. 55-56.
58. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 21. - С. 71.
59. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 3: Акты Земских Соборов. - М., 1985. - С. 161 (далее Соборное Уложение цитируется по этому изданию).

60. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. М., 1908. - С. 82-84.
61. Гуревич А.Я. Средневековый... - С. 163.
62. РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 23, л. 960-962.
63. Богоматерь... - С. 174.
64. Шаховской С.И. Летописная книга // ПЛДР. Конец XVI - начало XVII вв. - М., 1988. - С. 420. Об этом см.: Беляев Л.А., Павлович Г.А. Казанский собор на Красной площади. - М., 1993. - С. 9.
65. Беляев Л.А., Павлович Г.А. Казанский... - С. 21.
66. ПСРЛ. Т. 14. Перв. пол. - С-Пб., 1910. - С. 133.
67. Павлович Г.А. Казанская икона Богородицы и Казанский собор на Красной площади в Москве // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. - М., 1995. - С. 230.
68. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. - В 2-х кн. - Кн. 1. - М., 1955. - С. 321-322.
70. Леви В.Л. Я и мы... - С. 186.
71. митр. Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. - М., 1992. - С. 206.
72. Мк. 12:31; ср.: Матф. 22:39.
73. Церковнославянский текст Библии цитируется по изданию: Библия, сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета с параллельными местами. - С-Пб., 1900.
74. Домострой. Издание подготовили В.В.Колесов, В.В.Рождественская. - С-Пб., 1994. - С. 10.
75. Ильин М.А. Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. - М., 1976. - С. 11.
76. ПСРЛ. - Т. XI. - С-Пб., 1897. - С. 8-9.
78. Мк. 7:10.
79. Еф. 6:4.
80. Иов 28:28; Пс. 110:10; Притч. 1:7; Сирах 1:15.
81. Домострой... С. 9.
82. Еф. 5:4-5.
83. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 // РИБ. 1908. Т. VI. - С. 282.
84. Стоглав // Российское законодательство X-XX вв. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М., 1985. - С. 274.
85. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. - С-Пб., 1905. - С. 186-187, 233, 345-346.
86. Памятники... С. 434.
87. Голубиная... - С. 220.
88. Там же. - С. 200.
89. Олеарий А. Описание... - С. 186-187.
90. Смирнов С. Древне-русский... - С. 156.
91. преп. Иосиф Волоцкой. Просветитель. - М., 1993. - С. 350.
92. Олеарий А. Описание... - С. 343-344.
93. Голубиная... - С. 209.
94. Матф. 5:33-37; ср.: Иак. 5:12.

95. Соборное Уложение... Гл. XXV, ст. 10-19. - С. 254-255.
96. Там же. Гл. XXV, ст. 12-13. - С. 254.
97. Домострой... - С. 10.
98. Костомаров Н.И. Очерк... - С. 239.
99. Парадоксально, но русские не считали католиков христианами. Этот факт был отмечен еще С. Герберштейном (Записки... С. 103). Трифон Коробейников, в конце XVI в. побывавший в Иерусалиме, постоянно отрицал связь «латынской веры» с христианством, под которым он, разумеется, понимал только Православие (см.: Хождение купца Трифона Коробейникова по Святым местам Востока // Записки русских путешественников XVI-XVII вв. - М., 1988. - С. 38, 39, 41).
100. 1 Кор. 10:21.
101. Стоглав... - С. 298; ср. там же. - С. 300.
102. Поучение отца духовного детям духовным // Смирнов С. Материалы... - С. 235.
103. Ключевский В.О. Два воспитания // Соч. В 9-ти тт. Т. IX. - М., 1990. - С. 13-14.
104. Смирнов С. Материалы... - С. 235.
105. Домострой... - С. 12.
106. Бывшего полкового священника магистра Генриха Седерберга заметки о религии и нравах русского народа, во время пребывания его в России с 1709 по 1718 г. // ЧОИДР. 1873. Кн. 2. - С. 23.
107. Смирнов С. Материалы... - С. 238.
108. Стоглав... - С. 310.
109. Там же. - С. 367-368.
110. Сытин С. Древний город Галич Костромской губернии. - М., 1905. - С. 6-7.
111. Матф. 5:22-24.
112. Смирнов С. Материалы... - С. 238.
113. Костомаров Н.И. Очерк... - С. 222-223.
114. Домострой... - С. 18.
115. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. - С-Пб.; М., 1882. - С. 85.
116. Стоглав... - С. 283.
117. Там же. - С. 284.
118. Домострой... - С. 18.
119. Там же.
120. Там же. - С. 20.
121. Стоглав... - С. 308-309.
122. Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов вселенских и поместных и Святых Отец. - Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. - С. 188.
123. Домострой... - С. 9; Смирнов С. Материалы... - С. 239.
124. Домострой... - С. 39.
125. Смирнов С. Материалы... - С. 238.
126. Книга правил... - С. 23.
127. Шапов А.П. Исторические... С. 39.
128. Там же. - С. 37-38, 40.

129. Там же. С. 49.
130. См.: Церковно-народный месяцеслов И.П. Калининского. - М., 1990. - С. 29.
131. Интересно, что и в Сказании о явлении иконы Казанской Божьей Матери в Тобольске Богородица, наказывая о строительстве новой церкви во имя Ее чудотворного образа предупреждает: «Если послушаются, то милость Божья будет на граде вашем и его окрестностях; если же не послушают, то тяжко будет городу вашему: скот ваш изомрет, от дождей вода разнесет дома ваши, и все вы исчезнете, как черви...» (Богоматерь... - С. 433). В грядущих бедствиях также легко угадываются конкретные черты сибирской природы.
132. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Пер. с французского. - М., 1992. - С. 302.
133. Павлович Г.А. Казанский... - С. 227.
134. Домострой... - С. 38.
135. Власов А.Н. Сказания... - С. 215.
136. Интервенция начала XVII в. было столь неординарным событием, что смутная память о нем сохранилась почти повсеместно даже до наших дней (см.: Кренке Н.А. Археологические памятники Подмосковья в контексте культуры XV-XX вв. // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. - М., 1995. - С. 252). В 1989 г. от жителей деревень в окрестностях г. Холма Новгородской области мне неоднократно приходилось слышать рассказы о нашествии «литвы», с которым обычно связывали происхождение славянских курганов.
137. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. - М., 1866. - С. 444-445.
138. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. М., 1908. - С. 76.
139. Повесть... - С. 53-54.
140. Трубецкой Е.Н. Два мира в древнерусской иконописи // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология. - М., 1993. - С. 231.
141. Там же. - С. 227.
142. См.: Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. - Л., 1984. - С. 107-109.